

Сивцева Наталия Александровна

**СОБСТВЕННЫЕ И НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ КАК СРЕДСТВА
МЕЖФРАЗОВОЙ СВЯЗИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ СЛОЖНОГО
СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО)**

В статье рассмотрена текстообразующая функция собственных и нарицательных имен существительных в якутском языке. Примеры, в которых собственные и нарицательные имена существительные выступают в качестве лексических средств межфразовой связи, изложены на основе сложного синтаксического целого как основной единицы текста. Выявлено, что их текстообразующая функция основана на оппозиции определенности-неопределенности, выступающей в качестве одного из способов формирования структуры текста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-2/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. II. С. 169-172. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8.8:21

Филологические науки

В статье рассмотрена текстообразующая функция собственных и нарицательных имен существительных в якутском языке. Примеры, в которых собственные и нарицательные имена существительные выступают в качестве лексических средств межфразовой связи, изложены на основе сложного синтаксического целого как основной единицы текста. Выявлено, что их текстообразующая функция основана на оппозиции определенности-неопределенности, выступающей в качестве одного из способов формирования структуры текста.

Ключевые слова и фразы: межфразовая связь; лексическое средство связи; функция; текст; сложное синтаксическое целое; якутский язык.

Сивцева Наталия Александровна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук

sivna@mail.ru

**СОБСТВЕННЫЕ И НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ
КАК СРЕДСТВА МЕЖФРАЗОВОЙ СВЯЗИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА ПРИМЕРЕ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО)©**

Любая синтаксическая конструкция основана на средствах межфразовой связи. Без них «нет и не может быть никаких синтаксических объектов, никаких синтаксических субстанций, поскольку синтаксический объект всегда мыслится как конструктивный, построенный тем или иным способом» [7, с. 7]. Средства синтаксической организации текста, обеспечивающие его целостность и связность, можно обобщить по следующим группам: лексические (повторение слов, использование однокоренных слов, синонимов, антонимов), лексико-морфологические (использование союзов, скреп, дейктических элементов, определенного сочетания частиц), морфологические (формы принадлежности, временной формы глаголов-сказуемых) и синтаксические (вводные слова и словосочетания, обращение, тема-рематическая характеристика предложений).

В аспекте данного вопроса изучение межфразовых средств связи целесообразно на уровне сложного синтаксического целого (далее – ССЦ), так как оно «является почти идеальной моделью» текста, «в его структуре обнаруживаются практически все принципы, приемы, средства, релевантные для текста» [1, с. 100-101]. Эта единица текста представляет собой группу взаимосвязанных самостоятельных предложений, объединенных лексико-грамматическими и ритмомелодичными признаками, характеризующих какую-либо сторону описываемого предмета (явления) [2, с. 60-61].

В данной статье рассматриваются собственные и нарицательные имена существительные в качестве лексических межфразовых средств связи в якутском языке. В тексте собственные и нарицательные имена существительные часто используются как синонимы. Так, если при первом введении понятие (предмет, лицо) представлено собственным именем существительным, то последующее его упоминание может быть обозначено нарицательным именем, которое является контекстуальным синонимом и воспринимается как определенное. Обратимся к примеру из текста (арабскими цифрами обозначены порядковые номера предложений в ССЦ):

(1) *Айа ис-иһиттэн дуоһуйан, үөрүөх-көтүөх санаата тиийэн кэллэ.* (2) *Бугун ийэтинин олох-дьаһах комбинатыгар сакаастаан тиктэрбит муус манан, мааны да мааны былааччыһатын ылан кэлбиттэрэ.* (3) *Кыыс, хоһугар киһирэн, кичэллээхтик ыйанан турар былааччыһатын ыскааптан таһаарда* [3, с. 5]. / ‘У Аи, искренне довольной, было радостное настроение. Сегодня со своей матерью забрали ее белоснежное, нарядное да нарядное платье, которое они заказали в бытовом комбинате. Девушка, зайдя в свою комнату, вытащила из шкафа аккуратно висевшее там свое платье’. В приведенном ССЦ женское имя собственное *Айа* впервые введено в текст произведения и, так как не имеет ни определения, ни приложения, указывающих на возрастной, социальный признак субъекта, понимается как неопределенное. Информация о субъекте дается постепенно в последующих предложениях. В третьем предложении вместо собственного имени *Айа* подлежащее обозначено нарицательным именем существительным *кыыс* ‘девушка’, что представляет информацию о возрастной характеристике субъекта. Таким образом, между первым и третьим предложениями данного ССЦ существует лексическая межфразовая связь, основанная на контекстуальных синонимах *Айа* ‘Ая’ – *кыыс* ‘девушка’. При этом нарицательное имя существительное *кыыс* ‘девушка’ имеет семантику определенности.

Часто при первом введении в текст понятие (предмет, лицо) обозначается нарицательным именем существительным, тогда оно воспринимается как неопределенное. Последующее его упоминание, выраженное или определенное собственным именем существительным, носит семантику определенности. Обратимся к примеру: (1) *Арай ол иһэнэр айан суолугар биһр хара сэлэппэлээх, үгүс бабайы кинигэни былаан баран санныгар сүкпүт, сэгийэтигэр хойуу саһархай бытыктаах, халлаан өнгүн курдук сып-сырдык харахтаах кийини көрсө түстүлэр.* (2) *Дьаакып өйдөөн көөртө – били ааттаах Владимир дин сугаарыскай иһэр эбит* [4, с. 79]. / ‘Вдруг они на дороге встретили человека с черной шляпой, с желтой бородой, с ясными глазами цвета неба, который

нес на своем плече много книг, связанных веревкой. Яков внимательно посмотрел на него – это шел тот известный государственный (политический ссыльный) по имени Владимир. В этом ССЦ лексическое средство межфразовой связи выражено контекстуальными синонимами: нарицательным именем существительным *киһи* 'человек', представленным в форме винительного падежа *киһини* 'человека' в функции дополнения в первом предложении, а также собственным именем существительным *Владимир*, изложенным в сочетании определения *били ааттаах Владимир диэн* 'тот известный по имени Владимир', и нарицательным именем существительным *судаарыскай* 'государственный'; политический ссыльный' в качестве подлежащего во втором предложении: *киһини – Владимир – судаарыскай*. Во втором предложении нарицательное имя существительное определено сочетанием, в состав которого входит собственное имя существительное, поэтому оно понимается как определенное.

Рассмотрим следующий пример: (1) *Бу кизэһэ дьиз дьонно бутуннуутүгэр кундүтүк көстөр ытык хоноһо баара*. (2) *Кини үрдүк унуохтаах, хара бараан дьүһүннээх, бэскилээх баттахтаах, Охоноһой диэн киһи этэ* [6, с. 5]. / В этот вечер был уважаемый гость, дорогой для всех домочадцев. Он был высокий, смуглый, с бакенбардами, человек по имени Афанасий. В первом предложении подлежащее выражено нарицательным именем существительным *хоноһо* 'гость'. Во втором предложении подлежащее обозначено местоимением 3 л. ед.ч. *кини* 'он', оно выражает тот же субъект, представленный в первом предложении именем существительным *хоноһо* 'гость'. Именное составное сказуемое во втором предложении содержит в себе нарицательное имя существительное *киһи* 'человек'. Собственное имя *Охоноһой* 'Афанасий' представлено в составе определения. Имя существительное *хоноһо* 'гость' в первом предложении воспринимается как неопределенное, имя нарицательное *киһи* 'человек', определенное распространенным определением, в состав которого входит собственное имя *Охоноһой* 'Афанасий', является определенным. Таким образом, между первым и вторым предложениями данного ССЦ существует лексическая межфразовая связь, выраженная нарицательным и собственным именами существительными в качестве контекстуальных синонимов: (1) *хоноһо* 'гость' – (2) *Охоноһой* 'Афанасий' – *киһи* 'человек'.

Такое использование нарицательных и собственных имен существительных, осуществленное на основе оппозиции определенности-неопределенности, выступает одним из приемов художественного слова, с помощью которого составляется структура текста произведения, вносится интрига в развитии его сюжета. Приведем в качестве примера фрагмент из текста (римскими цифрами обозначены номера ССЦ в текстовом фрагменте, арабскими цифрами – порядковые номера предложений в ССЦ):

I. (1) *Ханнык эрэ кубарыйбыт эргэ хортуустаах, саҥа сиидэс ырбаахылаах, алтан бирээскилээх саары этэрбэһин салан собустук кэппит, унуобунан үрдүк, саас ортолоох киһи былыргыта ааттаах, аны түөһэйэ быһытыыйбыт, сиппилибит улаан аты миинэн хаамтаран кирдиэхтээн истэ*. (2) *Кини тириппит-хоруппут, дэйбишинэн өр буола-буола сапсынан ылар уонна, өссө утуктаан тонкох гынан ыла-ыла, уутун үргүтээри гыммыттыы, ол-бу диэки көрөн ылаарыгныыр*. (3) *Ата аат эрэ харата хааман, төбөтүн тангары туттан сингэрэйдэтэлээн иһэр*. (4) *Кинилэр уҥа өттүлэригэр, суолтан чугас, үс мас күрүө саба үрдүк нэчимиэн бурдук үүнэн арабаастыйан турар*. (5) *Бу бурдук, үөһэттэн көрдөххө, биир кэм алтантан кппут курдук мөлбөйөр*.

(6) *Барыта төгүрүччү им-ным, барбах ат эрэ туйаҕа хаппыт суолга бытаан собустук лабыгырыыр уонна туох барыта куйаастан буһан, сасыкка дылы...*

II. (1) *Эмискэ арай дьахтар саҥата: «Хабырыыс!» – диэн аргыый киһини ыгырда*.

(2) *Киһи дьик гына түстэ уонна, ээ, төрүт утуктуу иликпин диэх курдук, мугунан көрөн, эргиллэ хайыспыта – ойоһоһугар, бурдук быһыгар, кубаҕай сирэйдээх, ырбаахытын былаатынан бөрөнө курдаммыт дьахтар, буруйдаах киһилии төбөтүн төҥкөччү туттан баран, сиэрпэтин биитин көрбөхтүү турар эбит*.

(3) – Ээ, *Өкүлүүн эбиккин дуу. Бу манна тоҕо кэлэн турабын?* – диэн били аттаах киһи ыйытта.

(4) – *Бу манна, Ньюкуондурдаахха бурдук быстара ыппыттара*.

(5) – *Ээх дээ, – Хабырыыс атын хаамтара турда* [4, с. 63].

I. (1) Ростом высокий среднего возраста человек в каком-то выцветшем старом картузе, в новой ситцевой рубашке, надевший как-то неаккуратно кожаные торбазы с медной пряжкой, ехал на коне, бывшим когда-то знаменитым, а ныне престарелым, который шел тяжелой поступью. (2) Он вспотел, временами взмахивает махалкой и, еще засыпая, склоняя голову, как будто стараясь прогнать сон, посматривает по сторонам. (3) Его конь еле шагает, понунив свою голову. (4) Справа от них, недалеко от дороги, с высотой с изгородь, растет, желтеет высокий ячмень. (5) Если посмотреть на эти зерна ячменя сверху, то они выглядят так, как будто вылиты из меди.

II. (1) Вдруг женский голос осторожно позвал человека: *«Гаврил!»*.

(2) Человек вздрогнул и, как будто убеждая, что он не засыпал, повернулся с широко раскрытыми глазами – сбоку от него, посреди ячменя, склонив свою голову как виновный человек, поглядывая на лезвие своего серпа, стояла женщина с бледным лицом, повязавшая свое платье платком.

(3) – Аа, Акулина, это ты. Ты почему здесь стоишь? – спросил тот человек на коне.

(4) – Отправили сюда, к Никандру и его семейству, чтобы я собрала ячмень.

(5) – Ах да, – Гаврил повел свой конь дальше.

Данный фрагмент текста состоит из двух ССЦ. В первом из них дается описание человека, его лошади и окружающей их природы. Первые два предложения имеют общий субъект, представленный нарицательным именем существительным *киһи* 'человек' и местоимением *кини* 'он'. Шестое предложение, концовка данного ССЦ,

обособлено в отдельный абзац, в нем изложено об общем состоянии места действия: *Барыта төгүүрүчү им-ным* 'Вокруг все тихо'. Состояние, выраженное данной концовкой, контрастно нарушается содержанием зачина второго ССЦ: в конструкции с прямой речью в качестве обращения к человеку, описанному в предыдущем ССЦ, представлено собственное имя существительное *Хабырыыс* 'Гаврил'. Таким образом, субъект, выраженный нарицательным именем существительным *киһи* 'человек' и местоимением *кени* 'он' в предыдущих предложениях, с помощью речи персонажа-обращения, состоящей только из одного собственного имени существительного, приобретает определенную семантику. Однако во втором и третьем предложениях второго ССЦ продолжается использование нарицательного имени существительного *киһи* 'человек', несущего семантику неопределенности в обозначении данного субъекта. И только в пятом предложении, заключающем рассматриваемое ССЦ, собственное имя существительное *Хабырыыс* Гаврил введено в авторскую речь, что окончательно подтверждает определенность субъекта, выраженного им, в данном контексте. Неожиданный характер обращения, представленного в первом предложении второго ССЦ, подчеркивают наречия *эмискэ* 'вдруг' и *арай* 'лишь, только'. Новый субъект, внесший оживление в сюжет рассказа, выражен изафетным словосочетанием *дыахтар сангата* 'голос женщины'. Во втором предложении второго ССЦ этот субъект уже более конкретизирован нарицательным именем существительным *дыахтар* 'женщина' и снабжен определением *кубабай сирэйдээх, ырбаахытын былаатынан бөрөнө курдаммыт* 'с бледным лицом, повязавшая свое платье платком'. Третье, четвертое и пятое предложения рассматриваемого ССЦ составляют диалогические конструкции. Субъект, выраженный во втором предложении нарицательным именем существительным *дыахтар* 'женщина', в первой части третьего предложения, представляющей речь персонажа, выражен собственным именем существительным *Өкүлүүн* 'Акулина'. Таким образом, в данном фрагменте неопределенные субъекты, изначально представленные нарицательными именами существительными, впоследствии приобретают определенную семантику посредством их обозначения собственными именами существительными. Такое обозначение осуществлено в предложении с прямой речью, в диалогических конструкциях, как в речи персонажа, так и в авторской речи в качестве подтверждения.

Обратимся к другому примеру:

I. (1) *Сарсыарда аайы тобус буолуута хаары саба бүрүнэн дьиптинийбит ойуур иһиттэн тэлэгэрийкэ сонноох, хара хаатынкалаах кыыс тахсан баанньыкка кэлэр.* (2) *Түүн тымныйа охсубут дьибэзэ киһирэн, оһохторун аанын аһа баттаан, бэбэһээ бэлэмнээбит хардаҕастарын симэр.* (3) *Сотору оһохтор тигинэччи умайаллар.* (4) *Күүгэн курдук туртаччы тонмут эркиннэр ньалбарыһан, тиритэн бараллар.* (5) *Кыыс тууна бааммыт былаатын сүөрэн, сонун устан көхөбө ыйыыр.* (6) *Кини, чараас танаһынан хаалан, синньигэс нарын көрүгүнэнэр.* (7) *Кэтит кэнэриилээх, чараас халтаһалаах харахтарыгар сирили умайа турар уот күлүгэ сандаара түһэр.*

II. (1) *Көбөрө тонгон мэндээрбит халлаанга хойуу буруо өрө бургучуйан тахсан, халлааны курдуу бөһүөлэк диэки изыллэр.* (2) *Дьон буруону көрө-көрө: «Маня оһобун оттубут», – дэһэллэр.*

(3) *Маня сэттиһи бүтэрэн баран, кыайан үөрэмтээбэ, онтон ыла баанньыкка үлэлир* [5, с. 146].

I. (1) Каждое утро в девять часов из леса, покрытого снегом, выходит девушка с телогрейкой и в черных валенках и приходит в баню. (2) Зайдя в дом, похолодевший за ночь, открыв двери печей, засовывает в печи заготовленные вчера дрова. (3) Вскоре печи загораются. (4) Стены дома, покрытые как пена инеем, постепенно оттаивают. (5) Девушка, развязав повязанный туго платок, снимает с себя пальто-телогрейку и вешает его на вешалку. (6) Она, оставаясь в легкой одежде, принимает нежный, тонкий вид. (7) В ее глазах с тонкими веками, сверкая, ложится тень пылающего огня.

II. (1) На холодное небо с голубым отливом поднимается густой дым и, огибая небо, направляется в сторону поселка. (2) Люди, смотря на этот дым, говорят: «Маня растопила свои печи».

(3) Маня, окончив седьмой класс, не смогла продолжить свое образование, с тех пор она работает в бане.

Этот отрывок также состоит из двух ССЦ. Первое из них заключает в себе семь предложений. В первом предложении субъект представлен нарицательным именем существительным *кыыс* 'девушка', который предполагается во втором предложении в форме сказуемого *симэр* 'засовывает'. Подлежащее пятого предложения также представлено данным именем существительным, в последующем предложении оно заменено местоимением *кени* 'она' в 3 л. ед.ч. В первом ССЦ субъект, выраженный нарицательным именем существительным *кыыс* 'девушка', понимается как неопределенный. Он конкретизируется во втором предложении второго ССЦ, в конструкции, представляющей прямую речь, в виде собственного имени существительного *Маня*: *Маня оһобун оттубут* 'Маня растопила свою печь'. Далее, в третьем предложении – концовке второго ССЦ – субъект представлен собственным именем существительным *Маня*. Эта концовка обособлена в отдельный абзац, в ней резюмировано содержание всего фрагмента, состоящего из двух ССЦ. Она в лексическом плане перекликается с зачином первого ССЦ: I. (1) *кыыс* 'девушка' – II. (3) *Маня*; I. (1) *баанньыкка кэлэр* 'приходит в баню' – II. (3) *баанньыкка үлэлир* 'работает в бане'. Наричательное имя существительное *кыыс* 'девушка' и собственное имя существительное *Маня* являются контекстуальными синонимами. Так, субъект, обозначенный нарицательным именем существительным в первом ССЦ, понимаемый как неопределенный, конкретизирован собственным именем существительным во втором предложении (в конструкции прямой речи) и в заключающем предложении второго ССЦ.

Таким образом, собственные и нарицательные имена существительные, представленные как контекстуальные синонимы, являются лексическими средствами межфразовой связи. При этом их текстообразующая функция часто проявляется на основе оппозиции определенности-неопределенности, выступающей в качестве одного из способов формирования структуры текста.

Список литературы

1. **Дымарский М. Я.** Проблемы текстообразования и художественный текст: на материале русской прозы XIX-XX вв. М.: КомКнига, 2006. 296 с.
2. **Лосева Л. М.** Как строится текст: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1980. 94 с.
3. **Никифорова А. К. – Айталига Никифорова.** Сырдык курус. Дьокуускай: Бичик, 2011. 160 с.
4. **Сивцев Д. К. – Суорун Омоллоон.** Айымньылар. Дьокуускай: Бичик, 1996. Т. 2. 704 с.
5. **Федоров А. И. – Афанасий Федоров.** Күөх кырыс. Дьокуускай: Кинигэ изд-та, 1980. 311 с.
6. **Федоров Д. С. – Дмитрий Таас.** Сырдык аартык. Дьокуускай: Бичик, 2004. 288 с.
7. **Черемисина М. И., Колосова Т. А.** Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 198 с.

**PROPER AND COMMON NOUNS AS MEANS OF INTER PHRASE CONNECTION
IN THE YAKUT LANGUAGE (BY THE EXAMPLE OF A COMPLEX SYNTACTIC WHOLE)**

Sivtseva Nataliya Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
*Institute of Researches in Humanities and Problems of Smaller Peoples of the North,
the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*
sivna@mail.ru

The article examines a text-forming function of proper and common nouns in the Yakut language. The examples, in which proper and common nouns act as lexical means of inter phrase connection, are described on the basis of a complex syntactic whole as a main text unit. It is revealed that their text-forming function is based on the opposition of certainty-uncertainty, acting as one of the means of the formation of text structure.

Key words and phrases: inter phrase connection; lexical means of connection; function; text; complex syntactic whole; the Yakut language.

УДК 811.11-112:81'367.7

Филологические науки

Статья посвящена изучению когнитивных признаков сущности вопроса, реализующихся в ситуации нарушения или сохранения приватности в англоязычной культуре. Приводятся данные семантико-синтаксического анализа фрагментов художественных произведений английских и американских авторов, которые содержат контексты, описывающие обстоятельства вторжения вопроса в частное пространство индивида.

Ключевые слова и фразы: национальный менталитет; вопрос; приватность; нарушение личного пространства; сохранение личного пространства.

Соколова Наталья Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет
nataliasokolova85@yandex.ru

**КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СУЩНОСТИ ВОПРОСА,
АКТУАЛИЗИРУЮЩИЕСЯ В СИТУАЦИЯХ НАРУШЕНИЯ
И СОХРАНЕНИЯ ПРИВАТНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ**©

Когнитивная деятельность и речевое поведение отдельно взятой языковой личности или культурно-языковой общности в целом находятся в неразрывной связи с определенными структурами, закрепившимися в менталитете представителей той или иной нации. Под национальным менталитетом З. Д. Попова и И. А. Стернин предлагают понимать «национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации» [6, с. 59].

В. А. Маслова полагает, что менталитет народа выражается в языковых концептуализациях, поведенческих нормах, предубеждениях, предпочтениях и ценностных установках. Исследователь говорит о существовании определенных стереотипов, которыми обусловлены реакции языковой личности на явления действительности или происходящие события. Такие стереотипы фиксируются в языке, отражаются в культурном фонде и правилах поведения той или иной нации. Вербальное коммуникативное поведение определяется несколькими доминантными стереотипами, которые, реализуясь в конкретной коммуникативной ситуации, оказывают влияние на поведение ее участников [5, с. 144].

Знаменитый английский антрополог Кейт Фокс значительное внимание уделяет рассмотрению общеизвестных английских стереотипов, среди которых особым образом выделяет стереотипы «частная жизнь» и «приватность». Фокс отмечает, что огромное количество главенствующих общественных норм и правил имеют